

Bondarenko Ekaterina Andreyevna, candidate of Philosophical Sciences, assistant professor, zhuravleva_ek@mail.ru, Russia, Belgorod, Belgorod National Research University,

Rimskaya Olga Nikolayevna, candidate of Philosophical Sciences, director of the SEC "Socio-Cultural and Intellectual Technologies", olgarimskaja@rambler.ru, Russia, Belgorod, National Research University,

Rimskiy Victor Pavlovich, doctor of Philosophical Sciences, professor, head of department, rimskiy@bsu.edu.ru, Russia, Belgorod, Belgorod State Institute of Arts and Culture.

УДК 17.025

ПАРАДОКСЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ

М.Л. Гельфонд

Посвящается осмыслению места и роли концепта справедливости в истории отечественной и мировой философской и общественно-политической мысли. Предметом исследования являются различные подходы к постановке и решению проблемы справедливости в рамках социально-политического, правового и морального сознания российского и западного обществ. Также анализируются основные особенности соотношения аксиологической и нормативной составляющих идеи справедливости и раскрывается природа парадоксальности ее ключевых установок и требований.

Ключевые слова: справедливость, общество, человек, культура, философия, политика, право, этика, мораль, война.

Идея справедливости – извечная провокация для сознания любого ответственно мыслящего индивида, глубоко интегрированного в структуру сложившегося сообщества разумно-социальных существ. Сам статус последних заведомо конституируется их добровольным принятием на себя безусловных обязательств неукоснительно соблюдать требования справедливости во избежание утраты внутреннего единства общественного организма и в целях обеспечения самой возможности функционирования основных социальных институтов и практик, создающих сложную архитектуру общественной жизни.

Не случайно, что все без исключения социальные институты и практики декларируют в качестве базисных принципов реализации своих задач некий свод правил, соблюдение которых призвано легитимизировать деятельность отдельных индивидов и социальных групп, придавая ей справедливый характер. Между тем в основе квалификации каких-либо действий или оценок, осуществляемых в рамках того или иного вида традиционной социальной практики, зачастую лежат не только исходно амбивалентные критерии интерпретации самого концепта справедливости, но и полярное разграничение ее агентов на тех, по отношению к кому требования справедливого отношения должны неукоснительно и безусловно соблюдаться, и тех, кто находится вне

сословно, этнически или идеологически заданного круга субъектов, заключивших по умолчанию конвенцию взаимной справедливости.

Именно эта специфика справедливости как фундаментального морального понятия и социокультурного механизма, заключающаяся в антиномичности ее постулирования в качестве универсальной ценности, парадоксально допускающей дифференцированность конкретных моделей ее нормативной реализации, и придает идее справедливости ту теоретическую остроту и практическую неоднозначность, которые отчетливо обнаруживают себя как в истории этической и общественно-политической мысли, так и в современном философском и социологическом дискурсах. Иными словами, проблема справедливости остается одной из ключевых тем не только для социальных философов и мыслителей-моралистов, но и для представителей разнообразных политических институтов и социальных практик прошлого и настоящего.

Как известно, справедливость служит одним из важнейших нормативных регуляторов взаимоотношений, возникающих между членами того или иного сообщества людей по поводу распределения различных видов социальных ценностей в диапазоне от свободы и достоинства индивидов до их доходов и статусных предпочтений. Таким образом, справедливость обнаруживает себя и реализуется исключительно в пространстве социального бытия человека, что придает ей, по определению Платона и Аристотеля, характер социальной добродетели, замыкающей на себя всю систему основных человеческих добродетелей и призванной обеспечивать достижение общего блага как идеала максимальной консолидации общества.

Вместе с тем, справедливость выступает и мерой равенства, и мерой неравенства (дифференциации) людей как членов определенного социума, что столь же неизбежно, сколь и парадоксально. Причем и то, и другое – и равенство в нравственно-гражданском аспекте, и неравенство во всех прочих отношениях – суть несущие опоры в фундаменте грандиозного здания общественной коммуникации. Именно справедливость придает ей общую морально-психологическую и, отчасти, правовую санкцию, устанавливая ключевые правила социального общежития и определяя нравственно приемлемую степень конфликтности человеческих взаимоотношений во всех их общественно значимых разновидностях.

В этом традиционном для европейского цивилизационно-культурного пространства социально-философском и этическом дискурсе сосуществуют две формы справедливости: справедливость распределительная (дистрибутивная) и справедливость уравнивающая (ретрибутивная или коммутативная), выделенные еще Аристотелем, убедительно показавшим, что первая связана с распределением по достоинству, т.е. не поровну, а пропорционально заслугам, в то время как вторая – с обменом, будучи призванной уравнивать его участников независимо от их достоинств и достижений [1]. Заведомо конкурентный и неоднозначный характер выделенных моделей справедливости получает

существенное уточнение в знаменитой работе Дж. Ролза «Теория справедливости» [4], где справедливость рассматривается как принцип социальной организации. Автор проводит концептуальную аналогию между справедливостью и истиной: как истина является главной добродетелью мысли, так справедливость – первой добродетелью общественных институтов. В свое определение справедливости Дж. Ролз исходно закладывает диалектическое единство социального равенства и неравенства, в результате чего его дефиниция справедливости распадается на два принципа: справедливость требует того, что люди должны быть равны в правах, а также при распределении социальных ценностей, однако справедливым будет и неравное распределение при условии, что оно сможет обеспечить преимущество каждому и открытый доступ к положениям и должностям для всех.

Среди современных отечественных философов, давно и успешно работающих над темой справедливости, следует особо выделить А.В. Прокофьева, который является автором многочисленных статей, диссертационного и монографических исследований в данной области. Их общей исследовательской установкой служит стремление исчерпывающим образом раскрыть социально-историческое и императивно-ценностное содержание категории «справедливость», рассмотрев его сквозь призму фундаментальной антиномии морали индивидуального совершенствования и общественной морали.

Этот лейтмотив явно улавливается и в глубине яркой многогранности авторского замысла книги А.В. Прокофьева с говорящим и проблемно открытым названием «Воздавать каждому должно...» [3]. Название этого фундаментального труда красноречиво свидетельствует: перед нами лишь вершина грандиозного айсберга авторских размышлений о сущности концепта справедливости и его роли в формировании краеугольных оснований человеческого общежития, скромно обозначенная уточняющим подзаголовком как «Введение в теорию справедливости». Можно предположить, что за ним, по законам жанра, должно последовать не менее развернутое изложение авторской теории справедливости и демонстрация ее аналитических и прогностических возможностей в ходе исследования состояния и «болевых точек» современного общества.

Однако уже на страницах данной монографии предпринимается успешная попытка соотнесения сугубо теоретических и историко-философских вопросов с осмыслением и оценкой современных социальных реалий, рассматриваемых сквозь призму основных концепций и типов справедливости. Среди чрезвычайно широкого спектра представленных в книге проблем, затрагивающих самые различные уровни и грани общественной жизни (от справедливости в семье до справедливости в глобальном геополитическом контексте), вполне предсказуемо, что с учетом информационной и морально-психологической резонансности трагических событий на Юго-Востоке Украины и на Ближнем Востоке на первый план выступают две глубоко

анализируемые автором исследования проблемы: соотношение границ справедливости и государственных границ и теория справедливой войны. Вооруженные конфликты на Украине и в Сирии – хрестоматийная иллюстрация неизменной актуальности и знаковых парадоксов как идеи справедливости в целом, так и доктрины справедливой войны.

Нельзя быть справедливым в отсутствии другого, по отношению к которому мы планируем, осуществляем и оцениваем свои действия. И наоборот: невозможно признать намерения, поступки и выводы иного субъекта справедливыми, если мы не соотнесли их с собственным видением того, что справедливо, а что нет. В этом-то и таится главный парадокс справедливости – принципиальная неуниверсализуемость ее критериев, эмпирически обнаруживаемая на фоне традиционного декларирования ее в качестве всеобщей и абсолютной нравственной ценности. Так, выступая под лозунгом восстановления поправленной врагом справедливости, каждая из сторон конфликта эталоном ее ценностно-нормативной интерпретации неизменно считает собственную позицию, продиктованную мотивами обеспечения своей безопасности, защиты своего этно-культурного достоинства и своих, прежде всего политических и экономических, интересов. Как правило, рефлексия по поводу того факта, что противоположная сторона конфликта мыслит и, следовательно, действует с точностью до «наоборот», либо полностью отсутствует, либо не играет существенной роли при принятии решений с обеих сторон. А это, в свою очередь, служит катализатором противостояния и исключает саму возможность его урегулирования на основании «третьей» – универсальной модели справедливости.

Столь нехитрое рассуждение неизбежно приводит последовательно мыслящего аналитика к весьма печальному выводу о том, что любые рассуждения о возможности, условиях и рамках «справедливой войны» в заведомо несправедливом мире, т. е. в глобальном геополитическом пространстве, где изначально отсутствуют какие бы то ни было предпосылки для формирования общих «правил игры» и единого реестра критериев справедливости, носят абсурдно-беспредметный или опасно лицемерный характер. Ведь даже для ограниченного, сугубо инструментального, использования концепта справедливой войны необходимо предварительно оговорить целый ряд дополнительных условий и допустить некоторое количество идеализаций, лишаящих его непосредственной укорененности в конкретной и неоднородной по своему содержанию социально-политической практике различных общественных систем.

Например, речь может идти как минимум о двух, равно несовершенных в самих своих основаниях и основных реализационных механизмах, вариантах согласования единых параметров справедливой войны: 1) идеологически аксиоматизировать позицию одной из воюющих сторон (на деле, разумеется, своей собственной), признав ее безусловно справедливой, что влечет за собой автоматическую морально-психологическую дискредитацию позиции и статуса

противоборствующей стороны; 2) расширение диспозиции участников конфликта за счет появления в ней условно независимой инстанции, выступающей либо в роли объективного арбитра, либо в качестве посредника при согласовании шагов обоих оппонентов к примирению, либо в статусе благородного и бескорыстного защитника жертвы от злонамеренных и противоправных посягательств со стороны агрессора или гаранта соблюдения прав и интересов «слабого». Однако ни одна из смоделированных выше диспозиций не дает достаточно надежных гарантий, позволяющих в полной мере избежать опасной подмены моральной и правозащитной мотивации действий, декларируемой участниками конфликта, сугубо прагматическими задачами максимально эффективной реализации их собственных геополитических предпочтений или прямыми притязаниями на установление безраздельного силового господства, экономической зависимости, идеологического доминирования или навязывания иного по своему характеру заведомо неравноправного партнерства.

В этих условиях апелляция к требованиям справедливости приобретает явно демагогический оттенок с налетом софистической уверенности в безграничности возможностей логической техники манипулирования любыми понятиями и доводами в ходе доказательства своей правоты, т.е. становится удобным и потому весьма востребованным способом аргументации в пользу наиболее выгодной для конкретных субъектов в конкретных обстоятельствах позиции. Недаром спекуляции на тему защиты справедливости стали общим местом привычной политической фразеологии наших дней, нередко паразитирующей на естественной психологической потребности человека в эмоциональном и коммуникативном удовлетворении «чувства справедливости» как проявлении особого рода альтруистического порыва или целой палитры реактивных альтруистических устремлений и рефлексивных переживаний. Последняя включает в себя как негативные состояния психики – прежде всего негодование, персонифицируемым объектом которого может оказаться конкретное лицо, группа лиц или определенный социальный институт, идентифицируемые моральным сознанием и опытом с непосредственным источником несправедливых действий или суждений, так и сложное сочетание элементов созидательно-позитивных мотивов со-чувствия и со-действия – главным образом сострадание к участи жертв частных или системных проявлений несправедливости в межличностной сфере, а также в политико-правовой, производственно-распределительной и других общественных практиках, и стремление к восстановлению несправедливо попраных прав и оказанию иной посильной помощи пострадавшим от тех или иных актов несправедливости. Особенно наглядной иллюстрацией тому может служить обостренная поляризация позиций в общественном мнении и политическом истеблишменте современной Европы по поводу проблемы массового потока беженцев из регионов, охваченных локальными гражданскими конфликтами на фоне усиливающейся экспансии ИГИЛ.

Подобная гамма ярко окрашенных эмоциональных состояний и инициируемых ими поведенческих сценариев – неотъемлемая часть морального и житейского опыта любого современного человека, а провоцируемая очевидной амбивалентностью как аксиологических, так и психологических интенций, параллельно представленных в его отношении к императиву справедливости, рефлексия – необходимый эвристический прецедент и одновременно наиболее доступный инструмент проблематизации концепта справедливости в пространстве традиционного для европейской философской культуры этического дискурса. Тем самым закладываются необходимые идейные, ментальные и, отчасти, даже методологические основания для формирования в общественном сознании антагонистических архетипов справедливости, достигающих, как уже было отмечено ранее, предельной концентрации и конкретизации в условиях конфликта ценностей или интересов на любом из уровней социальной организации или национально-государственных отношений.

Квинтэссенцией этой нормативно-ценностной и психологической дихотомии справедливого и несправедливого, принимающей в плоскости обыденного сознания форму непримиримой оппозиции своего и чужого, оказывается ситуация войны как открытого вооруженного противостояния, в ходе которого стороны утверждают свое понимание справедливости посредством физического уничтожения оппонентов или прямой угрозы а их адрес. А потому именно идея справедливой войны, точнее сама возможность однозначной классификации военных конфликтов (особенно локальных вооруженных конфликтов в современном мире) в качестве справедливых и несправедливых становится поводом задуматься о парадоксальности справедливости как таковой, по крайней мере, в пространстве нравственного опыта и морального рассуждения.

Не случайно, на наш взгляд, одним из наиболее ярких, интересных и аналитически провокативных сюжетов вышеупомянутой монографии А.В. Прокофьева [3] является именно определение и всестороннее осмысление основных парадоксов справедливости, поскольку этот исследовательский ход позволяет придать образу справедливости по-настоящему объемный, многомерный и неоднозначный характер. Данной проблеме посвящен второй раздел первой главы книги «Справедливость как ценностно-нормативная категория», который так и называется: «Парадоксальность справедливости». Содержание указанного раздела книги – яркий пример того, как теоретически фундированный и логически безупречный в своей аргументационной композиции философский текст может быть в равной мере, но, разумеется, в различных аспектах и ракурсах его восприятия интересен и полезен и специалисту, который, несомненно, высоко оценит предложенные автором свежие идеи и оригинальные мыслительные ходы, и студенту, изучающему историю и основы моральной философии, и читателю-дилетанту, искренне стремящемуся расширить свою эрудицию и разобраться в ключевых

мировоззренческих вопросах. Говоря иначе, перед нами тот текст, который следовало бы прочесть, пусть даже ограничившись тем самым лишь фрагментарным знакомством с содержанием представленной книги в целом. Этот текст отлично мобилизует собственную мысль читателя и успешно аккумулирует его моральные интуиции, заставляя нас не только напряженно следить за цепочкой приводимых автором доводов, но и невольно «примерять» их к тем реалиям социальных отношений и общественных практик, в которые мы вовлечены. Причем подобный эффект достигается за счет как максимально точного определения автором круга наиболее острых вопросов для обсуждения, так и самой авторской манеры их изложения, сочетающей убедительность и полноту доказательств с уместностью остроумных комментариев.

Очевидно, что в подобных обстоятельствах, нет ни малейшей необходимости в реферативной передаче содержания означенного раздела книги, однако представляется не только возможным, но и весьма полезным высказать ряд критических соображений и комментариев по поводу поднимаемых в нем проблем. Так, к трем рассмотренным автором парадоксам справедливости (парадоксу «определенности неопределенного», парадоксу «значимости незначимого» и парадоксу «моральности аморального») попробуем прибавить еще один – четвертый по счету парадокс. Сохраняя авторскую стилистику, условно назовем его парадоксом «контракторности (согласованности) не подлежащего обсуждению». Он призван показать, что рассмотрение справедливости в качестве продукта и одновременно инструмента отбора и кодификации базовых представлений о ценностно-нормативном минимуме для членов какого-либо локального национального, политического, религиозного или иного сообщества дезавуирует свойственную традиционному образу справедливости подчеркнутую дистасцированность от любых субъективно обусловленных или заведомо релятивируемых, а потому чреватых злоупотреблениями в области императивных и аксиологических выводов и тем самым лишаящих ее безупречной санкционирующей чистоты, мотиваций и максим.

Иначе говоря, парадокс «контракторности (согласованности) не подлежащего обсуждению» состоит в неизменно демонстрируемой в рамках многочисленных общественно значимых практик современной культуры тенденции придавать сугубо договорной статус тем моральным концептам, нормативно-ценностное содержание которых в принципе не подлежит обсуждению, ибо само призвано задавать максимально строгие и объективные критерии нравственно-правовой оценки как индивидуальных, так и социальных действий. К числу таковых, несомненно, относится и категория справедливости, т. к. придание ей контракторного характера было бы равносильно передаче игрокам состязающихся команд всей полноты прав и полномочий в деле разработки и утверждения правил игры, по которой и проводятся соревнования. В подобной ситуации просматриваются только два сценария возможного развития событий: либо игроки так и не смогут ни о чем

договориться в силу диаметральной противоположности своих интересов интересам соперников (ведь победа одних достижима лишь ценой поражения других и наоборот), либо путем неких ухищрений члены одной из команд смогут навязать представителям другой свои условия, полностью предвосхитив тем самым исход борьбы и придав ее результатам явно сомнительный характер. Абсурдность описанной ситуации очевидна, однако именно такой подход к решению проблемы справедливости нередко пытаются реализовать современные политики и политтехнологи.

Вместе с тем нет оснований считать подобную коллизию социального опыта и моральной рефлексии по поводу понимания природы справедливости как принципа организации совместной жизни людей явлением, свойственным исключительно современной социокультурной ситуации. Одним из первых обратил внимание на эту особенность справедливости Д. Юм, квалифицировавший последнюю как «искусственную» добродетель, ибо в ряду других социальных добродетелей справедливость отличается существенно более высокой степенью относительности ее императивно-ценностного содержания, точнее конкретно-исторической изменчивостью и общественно-политической (а в ряде случаев и откровенно идеологической) детерминированностью задаваемых ею критериев оценки и способов регламентации социальной действительности. Ввиду этого справедливость предполагает некоторый необходимый уровень предварительного согласия между членами сообщества относительно принципов, по которым они живут, и границ дозволенного, т. е. допустимого в рамках ведущих общественных практик и деятельности основных социально-политических институтов. Причем подобные правила и рамки могут не только частично корректироваться, но и существенно меняться (стихийно или целенаправленно), однако уже само их наличие (даже в заведомо девиантной форме) в каждый исторически определенный период существования социума служит для его членов мерилom справедливости, а их нарушение, пусть и во имя более высоких стандартов справедливости, может, как это ни парадоксально, восприниматься обыденным сознанием как проявление несправедливости или предосудительно недолжного поведения.

В таком контексте не столь уж лишены оснований (вопреки точке зрения автора рассматриваемой нами книги) оказываются попытки некоторых мыслителей и общественных деятелей, апеллируя к обнаружившей себя в приведенном выше рассуждении парадоксальности концепта справедливости, нормативно эмансипировать ее требования, либо полностью выведя их за пределы сферы морали, либо закрепив за ними статус категорически вмененного «минимума нравственности». Более того, рискуем утверждать, что подобная логическая операция имеет весьма глубокие историко-культурные и, отчасти, лингвистические предпосылки, порождающие общеизвестную терминологическую конвенцию. Вполне уместным здесь будет напомнить о высказываемой целым рядом как западных, так и отечественных философов и

ученых-правоведов гипотезе полного или частичного отождествления справедливости как социального регулятора с правом, а точнее с фундаментальными основоположениями системы естественного права. У подобной позиции есть немало смысловых и структурных нюансов в оценке конкретного соотношения правовой и моральной императивности, однако ее центральная интенция концептуально едина и аргументационно прозрачна: справедливость как универсальная и внутренне консолидированная ценностно-нормативная конструкция призвана ориентировать человека, сознательно интегрированного в определенное сообщество людей, не на обеспечение условий для воплощения идеала совершенного социального устройства или достижение максимального внутреннего совершенства в качестве автономно-самодостаточного морального субъекта, а на реализацию необходимого минимума добровольно принимаемых на себя обязательств по поддержанию целостности общества, стабильности его институтов и исключению проявлений агрессии из всех социальных практик.

То есть справедливость, выступая одним из главных этических измерений права, подобно последнему, может быть, говоря словами В.С. Соловьева, редуцирована к механизму «обязательной реализации минимума добра», т.е. «низшего предела или минимума нравственности» [5], зафиксированного как в традиционных установках обыденного сознания, так и в законодательных формулах правосознания. Символично, что во многих языках понятия справедливости (правды) и права выражаются словами или одинаковыми, или однокоренными, как, например, *dike* и *dikaiosyne* в греческом, *jus* и *justitia* в латинском, *recht* и *gerechtigkeith* в немецком, *right* и *righteousness* в английском и т.д. Наиболее наглядным и широко известным прецедентом такой этимологической идентификации понятий справедливости и права является латинское слово юстиция (*justitia*), означающая – «справедливость, законность». Юстиция, как известно, является сферой правового пространства, образованного человеком как субъектом первичного права. Иными словами, юстиция есть правосудие, вид правоохранительной и правоприменительной деятельности, в которой и реализуется тот самый необходимый императивно-аксиологический минимум, регламентирующий социально-ответственное поведение людей в рамках конкретного национально-государственного сообщества. Не менее интересным в свете задач настоящего исследования фактом является и то, что в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля основные значения слов «справедливость» и «справедливый» также соотнесены по смыслу с понятиями «правосудие» и «сделанный законно» [2]. Таким образом, есть основания предположить, что категория справедливости уже на лексико-семантическом уровне обнаруживает относительно независимый нормативный статус и преимущественно инструментально-технологический характер, т.е. специфическую применимость в конкретной социальной практике и при условии строгой

регламентации положения субъектов, в отношении которых действуют императивы справедливости.

Однако можно возразить, что вышеприведенные рассуждения допустимы только с учетом обязательного уточнения того, какой тип понимания морали мы принимаем за основу и насколько его нормативное ядро способно интегрировать требования справедливости или, по крайней мере, не вступать с ними в открытую и жесткую императивно-ценностную конфронтацию. А значит, перед нами пропорция с двумя неопределенными величинами: чем меньше точек соприкосновения между ними, тем более автономной инстанцией выступает справедливость. И наоборот: чем больше общих интенций обнаруживают и фиксируют в сфере реализации принципов нравственного и справедливого наш житейский опыт и моральная интуиция, тем глубже основания, позволяющие нашему сознанию утверждать, что имманентными свойствами морали являются плюралистичность и, отчасти, диалектичность ее фундаментальных ценностей и императивов. Более того, очевидная парадоксальность справедливости становится знаковой проблемой и одновременно характерной чертой самосознания европейской цивилизации, а также оказывается своего рода зеркалом, отражающим парадоксальность и полифоничность как самой идеи морали, так и духовной культуры в целом.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 53-294.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1982. Т. IV. Р-V. С. 299.
3. Прокофьев А.В. Воздавать каждому должно... Введение в теорию справедливости. М.: Альфа-М, 2013. 512 с.
4. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: НГУ, 1995. 532 с.
5. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 47-580.

References

1. Aristotel'. Nikomakhova ehtika // Aristotel'. Soch.: v 4 t. M.: Mysl', 1984. T. 4. S. 53-294.
2. Dal' V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka. M.: Rus-skij yazyk, 1982. T. IV. P-V. S. 299.
3. Prokof'ev A.V. Vozdavayt' kazhdomu dolzhnoe... Vvedenie v teo-riyu spravedlivosti. M.: Al'fa-M, 2013. 512 s.
4. Rolz Dzh. Teoriya spravedlivosti. Novosibirsk: NGU, 1995. 532 s.
5. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra. Npravstvennaya filosofiya // So-lov'ev V.S. Soch.: v 2 t. M.: Mysl', 1988. T. 1. S. 47-580.

Гельфонд Мария Львовна, д-р филос. наук, доц., зав. кафедрой, mlgelfond@gmail.com, Россия, Тула, Тульский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

THE PARADOX OF JUSTICE

M.L. Gel'fond

The article is dedicated to the understanding of the place and the role of the concept of justice in the history of the native and foreign philosophic and social-politic idea. The different approach to the statement and the decision of the problem of justice in the context of the social-politic, legal and moral confession of the Russian and West societies is the subject of investigation. The author of the article also analyses the main features of the relation between the axiologic and normative components of the idea of justice and discloses the nature of the paradoxicalness of its key purpose and demands.

Key words: justice, society, human being, culture, philosophy, politics, right, ethics, morals, war.

Gel'fond Mariya Lvovna, doctor of Philosophical Sciences, associate professor, head of department, mlgelfond@gmail.com, Russia, Tula, Tula Branch of Plekhanov Russian University of Economics

УДК 179.8

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РЕССЕНТИМЕНТА: ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

М.С. Сороцкий

Рассматривается вневременной феномен рессентимента и его оснований с точки зрения этики и психологии.

Ключевые слова: мораль, месть, зависть, ревность.

Сегодня (как, в прочем, и всегда) остается злободневным феномен рессентимента. Наиболее явно данный феномен актуализирует себя в сфере удовлетворения/неудовлетворения насущных человеческих потребностей. При отсутствии подобной возможности в геометрической прогрессии нарастает социальное напряжение. По утверждению некоторых экономистов, сила социального напряжения в обществе зависит от величины разрыва в доходах 10 % самых богатых людей и 10 % самых бедных. Массовая фрустрация в сфере удовлетворения материальных потребностей, порождая зависть, вражду и ненависть, ведет к социальным потрясениям, социальному взрыву.

В философский лексикон понятие *рессентимента* (фр. *ressentiment* — злопамятство, злоба) было введено Ф. Ницше. В ницшеанской генеалогии морали понятию «рессентимент» отведено центральное место. Феномен рессентимента находит свое отражение в европейской художественно-философской традиции, начиная с М. Монтеня (Опыты, II, XXVII). Русская